

ВЪ ГОРАХЪ.

Спутники мои ушли на ледникъ часа три тому назадъ. Хаджи-Мурза, аульскій судья, нашъ проводникъ, спитъ въ тѣни подъ деревомъ. Сейчасъ «уразá» — постъ, до захода солнца ѣсть нельзя. Выѣхали изъ дому на зарѣ, и усталость и голодъ сморили его.

И сижу на камнѣ въ горной долигѣ у берега рѣки, которая шумитъ внизу, въ ущельѣ.

И будто нѣтъ меня, а вмѣсто меня синее съ чернью небо, зелень лѣсовъ, мягкихъ въ долигѣ, щетинистыхъ вверху на горахъ, и несмолкаемый шумъ кипящаго внизу Аманау́са.

Прямо передо мною, по ту сторону рѣки, между двумя горами бѣлый сверкающій треугольникъ ледника съ грязновато-зеленымъ сръзомъ. Жаркое солнце не прогрѣваетъ легкаго горнаго воздуха, и я чувствую отдѣльно и солнечное тепло и тонкую прохладу воздуха и острый пахучій холодъ, которымъ тянетъ отъ ледника.

Въ горахъ гремятъ обвалы. Сначала, какъ ворчанье огромнаго звѣря, потомъ, будто раскаты грома и пушечная пальба. Сейчасъ грохотъ такъ близокъ, будто весь бѣлый треугольникъ съ грязновато-зеленымъ сръзомъ движется внизъ, на долину. И встаю, озираюсь кругомъ, вглядываюсь въ бѣлый треугольникъ. Ворчанье затихаетъ, я сажусь и снова жду.

Солнце опускается направо. Когда оно коснется горы, я разбужу Хаджи-Мурзу и мы поѣдемъ навстрѣчу нашимъ спутникамъ. Снова далекій громъ и вдругъ сразу пушечный выстрѣлъ. Еще и еще, будто все кругомъ рушится. И встаю и отступаю назадъ.

Солнце ударилося о вершину горы, разбилося и лететь черезъ зубчатый край золотымъ и пыльно-багровымъ потокомъ.

Тѣнь быстро бѣжитъ по зеленой долигѣ. Щетинистые лѣса становятся еще чернѣе. Треугольникъ ледника порозовѣлъ и отдѣлился отъ зеленой горы. Горы сблизились, долина ушла въ глубь. Шумъ Аманау́са ближе. Около меня уже свѣжій сумракъ.

Изъ-за камня на поворотѣ выросъ человекъ въ черномъ бешметѣ и широкополой шляпѣ, съ ружьемъ за плечами. Согнувшись, быстро и мягко онъ приближается ко мнѣ, и на меня смотритъ и улыбается заросшее до глазъ, смуглое его лицо. Онъ протягиваетъ мнѣ руку и садится около меня на корточки.

— Сидишь?

— Сижу.

— А товарищ ушел?

— На ледник ушел.

— На Дамбай пошел. Я видѣлъ.

Онъ мягко трогаетъ меня за руку.

— Иди ко мнѣ въ кошъ ночевать.

— Ночевать рано.

— Солица нѣтъ, медвѣдь придетъ.

— Медвѣдь человѣка не тронетъ.

— Два человѣка—не тронетъ, одинъ человѣкъ—тронетъ. Солице есть—человѣку надо ходить, солица нѣтъ—медвѣдю надо ходить.

Онъ легко подымается, идетъ къ ручью, садится на корточки и смотритъ въ землю. Я иду къ нему, наклоняюсь и на черной, влажной землѣ у ручья вижу четкіе слѣды когтистыхъ лапъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Саидъ.

— Ты охотникъ?

— Сынъ —Мусá, знаешь?—охотникъ.

Онъ обнимаетъ меня и, прислонившись къ моему лицу, показываетъ на розоватую вершину надъ чернымъ щетинистымъ лѣсомъ.

— Кошъ—видишь? Скотина—видишь? Тамъ Мусá.

Я вглядываюсь, но не могу ничего разглядѣть на далекомъ, словно осыпанномъ розовой пылью горномъ склонѣ.

Снова гремитъ обвалъ. Рядомъ съ Сеидомъ я продолжаю сидѣть. Мы молчимъ.

— Скажи,—спрашиваетъ Сеидъ,—зачѣмъ война?.. Хлѣбъ есть, айранъ есть. Зачѣмъ война?

Я говорю ему, кто и зачѣмъ началъ войну, говорю, что весь мiръ такъ же, какъ и онъ, хочетъ спокойно ѣсть свой хлѣбъ, дѣлать свое дѣло. Онъ внимательно слушаетъ.

— Такой человѣкъ убить надо.

Пытаюсь разъяснить ему, что дѣло тутъ не въ одномъ человѣкѣ. Онъ понимаетъ плохо и повторяетъ рѣшительно:

— Такой человѣкъ убить надо!

— Сепдъ, а Карачайскій народъ воевалъ?

Онъ опять мягко трогаетъ меня рукой и спрашиваетъ:

— Хаджи-Мурза Биджіевъ—знаешь?

Я улыбаюсь и показываю ему на спящаго подъ деревомъ Хаджи-Мурзу. Онъ тоже улыбается и говоритъ:

— Хаджи-Мурза Биджіевъ, судья,—справедливый человѣкъ. Слушай. Былъ такой человѣкъ—Карча—большой человѣкъ, а кто былъ отецъ, кто мать—ни одинъ человѣкъ не знаетъ. Жилъ Карча въ мѣстѣ Архызъ, на рѣчкѣ большой Зеленчукъ. Ауль былъ Карчайскій—десять дворовъ. Абреки пришли: лошадь брали, скотъ брали, дѣвку брали. Карча взялъ да пошелъ на Басханъ. Тринадцать дворовъ пришло на Басханъ. Августъ мѣсяць пришелъ, кабардинскій князь на Басханъ пришелъ. Карча былъ на Эбзэ. Кабардинскій князь дѣвку взялъ, черезъ рѣку поѣхалъ...

Я вынимаю книжку и карандашъ и начинаю записывать. Опъ молчитъ и ждетъ.

— Пиши: Ак-Мурза Биджіевъ... Написалъ?

— Написалъ.

— Читай.

Я читаю записанное имя, стараясь сохратить акцентъ. Сеидъ качаетъ головой—не такъ.

— Ак-Мурза Биджіевъ,—говоритъ опъ очень громко.

Я понимаю въ чемъ дѣло. Это имя должно быть произнесимо громко, и я повторяю его очень громко. Сеидъ улыбается, очень довольный.

— Хорошо написалъ... Ак-Мурза Биджіевъ,—продолжаетъ онъ, Хаджи Мурза Биджіева дѣдъ—справедливый человѣкъ. Ружье взялъ да стрѣлялъ. Кабардинскій князь уналъ. Дѣвка назадъ пришла, лошадь въ кабардинскій аулъ пошла.

Кабардинскій народъ пришелъ, весь карачайскій аулъ, двѣнадцать дворовъ взялъ, къ себѣ повелъ. Карчâ пришелъ отъ Эбзэ—народу пѣтъ, аула нѣтъ. Карчâ сѣлъ да думалъ. Ночью взялъ да пошелъ въ кабардинскій кошъ. Скотъ взялъ, пастуховъ взялъ, пошелъ на Эбзэ. Эбзэ—переваль—знаешь? На Эбзэ бѣлаго барана рѣзалъ, пастуховъ кормилъ. Пастухи стали ѣсть, смѣются.

— Зачѣмъ смѣетесь?

— Мы слыхали—Кабарда твой аулъ взяла.

Карчâ барашка ѣлъ, да послалъ своего человѣка на кабардинскій аулъ. Человѣкъ пришелъ, сказалъ:

— Карчâ вашъ скотъ взялъ.

Кабардинцы пришли, сказали:

— Давай нашъ скотъ!

Карчâ желѣзную палку взялъ, ударилъ въ камень на аршинъ, можетъ—больше. Кабардинцы думали: Карчâ—не простой человѣкъ.

Карчâ взялъ да сѣлъ на камень—курдюкомъ камень пополамъ сломалъ. Кабардинцы сказали:

— Карчâ, ты—не простой человѣкъ. Аулъ бери, двѣнадцать дворовъ бери, «худббу» бери.

Карчâ аулъ взялъ, да «худббу» взялъ, скотъ отдалъ, да пошелъ на Большой Карачай.

Апрѣль мѣсяцъ былъ. Карчâ пошелъ, да положилъ въ одно мѣсто ячмень: два-три зерна, въ другое мѣсто ишеницу: два-три зерна. Самъ назадъ пошелъ. Пришелъ въ покосное время, смотрѣлъ—хорошо выросло. Тогда взялъ, да народъ привелъ.

На трехъ рѣчкахъ три аула стало.

Потомъ ходилъ народъ на Дуутъ, потомъ на Язлыкъ, потомъ на Каменный мостъ. Потомъ на Марьинскій аулъ, на Тибердинскій, на Синтинскій, на Джугнтейскій. Потомъ на Бараповское селенье...

— Карчâ—большой человѣкъ былъ, а кто былъ отецъ, кто мать—ни одинъ человѣкъ не знаетъ...

Эбзэ—переваль—знаешь? Камень лежитъ большой—Карчâ сломалъ, дырка на аршинъ, можетъ—больше...

Такъ была война...

Совеѣмъ стемнѣло. Я слышу, какъ ржутъ лошади. Въ сумракѣ я не замѣтилъ, какъ Хаджи-Мурза всталъ, розыскалъ ихъ въ долиниѣ и теперь ведетъ ихъ сюда.

Хаджи-Мурза подходитъ, лошади идутъ за нимъ. Въ одной рукѣ у него кусокъ сыра, въ другой хлѣбъ. Онъ здороваеся съ Сеидомъ, ломаетъ сыръ и хлѣбъ и даетъ Сеиду. Они ѣдятъ молча. Лошади тутъ же щиплютъ траву. Сѣрый подымаетъ голову, раздуваетъ ноздри и словно пьетъ холодный воздухъ, потомъ съ шумомъ выдыхаетъ его.

Окончивъ ѣду, Хаджи-Мурза подтягиваетъ подпруги и мы садимся на лошадей. Сеидъ тоже садится на одну изъ нашихъ лошадей, а другую ведетъ въ поводу.

Я оглядываюсь и не могу узнать знакомой долины. На небѣ уже горятъ звѣзды и на зубчатой вершинѣ, гдѣ садилось солнце, теперь, какъ зеленая корона, дрожитъ и поворачивается огромная звѣзда.

Мы не успѣваемъ пересѣчь долину и встрѣчаемъ нашихъ спутниковъ. Они идутъ быстрымъ шагомъ, разогнавшись отъ долгой ходьбы, молчаливые. Впереди, раскачиваясь, идетъ высокии учитель.

— Почему такъ опоздали?—кричу я.

Они продолжаютъ идти быстро и молча, будто кто-то настигаетъ ихъ. Поравнявшись со мною учитель на ходу спрашиваетъ:

— Большой обвалъ слышали?

— Слышалъ.

— Дорогу завалило, шли въ обходъ.

По голосу я слышу, что онъ взволнованъ. Онъ торопливо снимаетъ привязанную за сѣдломъ бурку. Мнѣ не хочется разспрашивать. Имъ не хочется говорить. Они садятся на лошадей. Сеидъ исчезаетъ куда-то въ темноту.

Мы ѣдемъ по травянистой, усеянной камнями долиниѣ. Я отстаю. Хаджи-Мурза ѣдетъ передо мною. Скоро мы выбираемся на каменистую тропинку и ѣдемъ по темному ущелью.

Лошади идутъ осторожно, выбирая черныя мѣста между бѣлыми камнями и только иногда ступаютъ на камень. Тогда четкій звукъ разбиваетъ тишину ночи.

Хаджи-Мурза думаетъ какую-то свою длинную думу.

Ко мнѣ поворачивается его черная, сухая, сутулая въ сѣдлѣ фигура и онъ говоритъ:

— Богъ не хочетъ войны.

Я смотрю на синюю звѣздную дорогу надъ темнымъ ущельемъ, слышу дыханье моей лошади и стукъ копытъ по камню и мнѣ кажется, что сейчасъ, ночью, въ этой долиниѣ я понимаю Хаджи-Мурзу, аульского судью, справедливаго человѣка, больше и глубже, чѣмъ пойму гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Я тихо говорю:—Богъ... И кажется, что это говоритъ сама ночь.

II. Шкляръ.